

ДЖЕРАЛЬД
ДАРРЕЛЛ

Земля шорохов

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Gerald Durrell THE WHISPERING LAND

Copyright © 1961, Gerald Durrell

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis

Brown UK

and The Van Lear Agency

Перевод с английского Дмитрия Жукова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Даррелл Дж.

Земля шорохов / Джеральд Даррелл
; пер. с англ. Д. Жукова. — СПб. :
Азбука, Азбука-Аттикус, 2017.
(Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-13216-0

16+

Осенью 1958 года Джеральд Даррелл, к этому времени не менее известный писатель, чем его старший брат Лоуренс, на корабле «Звезда

Англии» отправился в Аргентину. Как вспоминала его жена Джеки, побывать в Патагонии и своими глазами увидеть многотысячные колонии пингвинов, понаблюдать за жизнью котиков и морских слонов было давнишней мечтой Даррелла. Кроме того, он собирался привезти из экспедиции коллекцию южноамериканских животных для своего зоопарка. Тапир Клавдий, малышка Хуанита, попугай Бланко и другие стали не только обитателями Джерсийского зоопарка и всеобщими любимцами, но и прообразами забавных и бесконечно трогательных героев новой книги Даррелла об Аргентине «Земля шорохов». «Если бы животные, птицы и насекомые могли говорить, — писал один из английских критиков, — они бы вручили мистеру Дарреллу свою первую Нобелевскую премию...»

© Д. Жуков (наследник), перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2017

Издательство АЗБУКА®

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вызывая в памяти образы прошлого, я часто вижу равнины Патагонии... Все объявляют эти равнины ни на что не годными. Описать их можно, перечисляя только то, чего на них нет: ни жилья, ни воды, ни деревьев, ни гор. Там растут лишь немногочисленные карликовые растения. Почему же в таком случае я (да только ли я) так накрепко запомнил этот безводный пустынный край?

*Чарлз Дарвин. Путешествие натуралиста
вокруг света на корабле «Бигль»*

Несколько лет тому назад я написал книгу («Зоопарк в моем багаже»), в которой рассказал, как мне надоело год за годом путешествовать в различные части света и собирать

животных для разных зоопарков.

Спешу добавить, что мне вовсе не надоело ездить в экспедиции и тем более возиться с животными, которых я находил. Мне надоело расставаться с этими животными, когда я приезжал в Англию. Единственный выход из положения заключался в том, чтобы создать собственный зоопарк, и в книге «Зоопарк в моем багаже» говорится, как я отправился в Западную Африку собирать своих первых животных, как я привез их домой и наконец основал зоопарк на острове Джерси.

Теперь я написал как бы продолжение той книги, потому что здесь я описываю, как мы с женой и моим неутомимым секретарем Софи отправились на восемь месяцев в

Аргентину, с тем чтобы привезти оттуда хорошую коллекцию южноамериканских животных для Джерсийского зоопарка, и как, несмотря на многочисленные препятствия, мы с этим справились. За эту коллекцию самой большой похвалы заслуживает, безусловно, Софи. Хотя она и редко упоминается на страницах этой книги, самые большие тяготы путешествия, очевидно, пришлись на ее долю. Она безропотно оставалась в Буэнос-Айресе и приглядывала за нескончаемым потоком животных, с которыми я то и дело появлялся из разных мест. И приглядывала она за ними так, что это сделало бы честь опытному собирателю животных. За это и за многое другое я чувствую

себя глубоко обязанным ей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Обычаи страны

По-весеннему нарядный Буэнос-Айрес был хорош, как никогда. Высокие элегантные здания сверкали на солнце, словно айсберги. Вдоль широких авеню выстроились джакаранды и palo bogracho¹ с их странными, бутылочной формы, стволами и длинными, тонкими ветвями, на которых красовались белые и желтые цветы. Весенняя атмосфера, видно, пьянила пешеходов, и они, лавируя между машинами, перебежали улицу с меньшей осторожностью, чем

обычно, а водители трамваев, автобусов и легковых машин соревновались в извечной буэнос-айресской игре, стараясь на максимальной скорости впритирку обогнать друг друга и при этом не столкнуться.

Не имея склонности к самоубийству, я отказался водить машину в городе, и поэтому за рулем моего «лендровера»², стремительно уносившего нас по смертоносной дороге, сидела Жозефина. У невысокой Жозефины волнистые темно-рыжие волосы, большие карие глаза и улыбка как прожектор: на расстоянии двадцати шагов она парализует даже самых стойких мужчин.

Рядом со мной сидела Мерседес,

высокая, стройная, голубоглазая блондинка. С виду она — сама кротость, но это лишь маскирует железную волю и беспощадную, почти бульдожью, целеустремленность Мерседес. Эти две девушки были частью моей лейбгвардии красавиц, на которую я опирался в своей борьбе с аргентинскими чиновниками.

В ту минуту мы направлялись к массивному зданию своеобразной помеси Парфенона с Рейхстагом. В его громадном чреве притаилась Адуана (или таможня) — самый страшный враг здравого смысла и свободы в Аргентине. Три недели тому назад, когда я прибыл в страну, таможенные чиновники безропотно оставили у меня все предметы,

подлежащие обложению высокими пошлинами: камеры, пленку, автомобиль и многое другое. Но по причинам, известным лишь Всевышнему да блестящим умам Адуаны, у меня конфисковали все сети, ловушки, клетки и другое, не очень ценное, но совершенно необходимое снаряжение. И вот последние три недели не проходило и дня, чтобы Мерседес, Жозефина и я не мытарилась в обширных недрах таможенного управления, где нас посылали из кабинета в кабинет с размеренностью работы часового механизма, размеренностью до того нудной и безнадежной, что мы уже всерьез стали опасаться за свою психику.

В то время как Жозефина

лавировала между разбежавшимися пешеходами, вызывая у меня спазмы в желудке, Мерседес поглядывала на меня с тревогой.

— Как вы сегодня себя чувствуете, Джерри? — спросила она.

— Великолепно, — с горечью сказал я. — Ведь в такое прелестное утро мне больше всего на свете улыбается, встав с постели, сознавать, что впереди у меня еще целый день, который надо посвятить установлению близких отношений с таможенниками.

— Ну пожалуйста, не говорите так, — сказала Мерседес. — Вы же обещали мне, что больше не будете выходить из себя. Это же совершенно бесполезно.

— Ну и пусть бесполезно, дайте

хоть отвести душу. Клянусь вам, если нас еще раз продержат полчаса перед кабинетом только для того, чтобы его обитатель в конце концов сказал нам, что это не по его части и что нам следует пройти в комнату номер семьсот четыре, я не буду отвечать за свои действия.

— Но сегодня мы идем к сеньору Гарсиа, — сказала Мерседес таким тоном, будто обещала конфету маленькому ребенку.

Я фыркнул.

— Насколько мне помнится, за последние три недели только в одном этом здании мы повидались уже по крайней мере с четырнадцатью сеньорами Гарсиа. Видно, клан Гарсиа считает таможду своей старой семейной фирмой. А все младенцы

Гарсиа рoдятся на свет с маленькой резиновой печатью в руках, — продолжал я, распаяясь все больше и больше. — А на Рождество все они получают в подарок по выцветшему портрету Сан-Мартина, чтобы, став взрослыми, повесить его в своем кабинете.

— О Джерри, мне кажется, вам лучше остаться в машине, — сказала Мерседес.

— Как? Лишить себя удовольствия продолжать изучение генеалогии семейства Гарсиа?

— Ну тогда обещайте ничего не говорить, — сказала она, умоляюще поглядев на меня своими глазками, синими, как васильки. — Пожалуйста, Джерри, ни слова.

— Но я же ничего никогда и не

говорю, — запротестовал я. — Если бы я действительно высказал все, что думаю, вся их таможня провалилась бы в тартарары.

— А разве не вы на днях сказали, что при диктатуре вы ввозили и увозили свои вещи и у вас никогда не было неприятностей, а теперь, при демократии, на вас смотрят как на контрабандиста?

— Ну и что. Разве человеку возбраняется высказывать свои мысли? Даже при демократии? Последние три недели мы только и делаем, что боремся с этими умственно отсталыми личностями из таможни, и ни одна из них, видно, не способна сказать что-либо членораздельное, а может лишь посоветовать обратиться к

очередному сеньору Гарсиа, который сидит дальше по коридору. Я потерял три недели драгоценного времени, тогда как мог бы снимать и собирать животных.

— Руку, руку, — неожиданно и громко сказала Жозефина. Я высунул руку в окно, и мчавшаяся за нами лавина автомобилей, скрежеща тормозами, внезапно остановилась, потому что Жозефина уже стремительно бросила «лендровер» наперерез движению в боковую улицу. Позади нас замирал вопль ярости и были отчетливо слышны крики: ¡animal!³

— Жозефина, я настоятельно прошу вас заблаговременно предупреждать нас о ваших поворотах, — сказал я. Жозефина обернулась ко мне с

ослепительной улыбкой.

— Зачем? — спросила она просто.

— Неужели не понятно? Это даст нам возможность подготовиться к встрече с Всевышним.

— Но разве вы у меня хоть раз попадали в аварию?

— Нет, но, по-моему, это только вопрос времени.

В этот миг мы вновь проскочили через перекресток со скоростью сорок миль в час, и таксисту, ехавшему по поперечной улице, пришлось пустить в ход все тормоза, чтобы не врезаться нам в бок.

— Ублюдок, — невозмутимо сказала Жозефина.

— Жозефина! Никогда не употребляйте подобных выражений, — запротестовал я.

— Почему? — невинно спросила Жозефина. — Вы же употребляете.

— Это не довод, — резко возразил я.

— Но употреблять их — одно удовольствие, правда? — с удовлетворением сказала она. — У меня их уже большой запас. Я знаю «ублюдок», я знаю...

— Ладно, ладно, — перебил я. — Я верю вам. Но ради бога, не употребляйте их в присутствии своей матери, а то она не разрешит вам водить мою машину.

Все-таки, думал я, в помощи красивых молодых женщин есть свои отрицательные стороны. Правда, мало кто может устоять перед их чарами, но, с другой стороны, слишком уж у них цепкая память на крепкие

англосаксонские словечки, к которым я вынужден прибегать в минуты волнения.

— Руку, руку! — опять сказала Жозефина. Мы снова помчались наперерез движению и, оставляя позади себя разъяренное стадо автомобилей, подкатили к массивному и мрачному фасаду Адуаны.

*

Мы вышли из Адуаны три часа спустя. Наши мозги оцепенели, ноги ныли, и мы упали на сиденья машины.

— Куда же теперь? — спросила Жозефина безразличным тоном.

— В бар, в любой бар, где я могу

получить порцию бренди и пару таблеток аспирина.

— О'кей, — сказала Жозефина, отпуская сцепление.

— Завтра, наверно, все кончится успешно, — сказала Мерседес, пытаясь поднять наш поникший дух.

— Послушайте, — сказал я немного резко, — сеньор Гарсиа, да благословит Господь его синебритый подбородок и окропленную одеколоном шевелюру, помог нам как мертвому припарки. И вы это прекрасно знаете.

— Нет, нет, Джерри. Он обещал отвести меня завтра к одному очень высокопоставленному чиновнику Адуаны.

— Его зовут... Гарсиа?

— Нет, сеньор Данте.

— Как знаменательно! Только человек с именем Данте может выжить в этом аду сеньоров Гарсиа.

— Вы чуть не испортили все дело. Зачем вы спросили, не отца ли его портрет висит у него в кабинете? Вы же знали, что это Сан-Мартин, — с укором сказала Мерседес.

— Да, знал, но я чувствовал, что если не скажу какую-нибудь глупость, то мои мозги начнут щелкать, как старомодные штиблеты с резинками.

Жозефина подкатила к бару. Мы уселись за столик, стоявший на краю тротуара, и, прихлебывая из стаканов, погрузились в унылое молчание. Вскоре мне удалось стряхнуть тупое оцепенение, которое всякий раз навеивает на меня Адуана, и я снова

обрел способность говорить не только о ней.

— Одолжите мне, пожалуйста, пятьдесят центов, — попросил я у Мерседес. — Мне нужно позвонить Марии.

— Зачем?

— Ладно, откроюсь вам... она обещала мне найти местечко, где бы можно было приютить тапира. В гостинице мне не разрешают держать его на крыше.

— А что такое тапир? — поинтересовалась Жозефина.

— Это такое животное, ростом почти с пони и с длинным носом. Оно похоже на маленького слона-уродца.

— Не удивляюсь, что в гостинице вам не разрешают держать его на крыше, — сказала Мерседес.

— Но тапир совсем еще младенец, он всего со свинью.

— Ну что ж, получайте свои пятьдесят центов.

Я нашел телефон, разобрался в сложностях аргентинской телефонной системы и набрал номер Марии.

— Мария? Это Джерри. Как дела с тапиром?

— Видите ли, мои друзья в отъезде, и у них его пристроить нельзя. Но мама говорит, что его можно принести сюда и держать в саду.

— А вы уверены, что это будет удобно?

— Ну, это мамина идея.

— А вы думаете, она знает, что такое тапир?

— Да, я сказала ей, что это маленькое животное с мехом.

— Не совсем точное зоологическое описание. Что же она скажет, когда я нагряну к вам с существом величиной со свинью и почти безволосым?

— Раз уж он будет здесь, то ничего не поделаешь, — резонно заметила Мария.

Я вздохнул.

— Хорошо. Я завезу его сегодня вечером. Ладно?

— Ладно, и не забудьте захватить для него немного корму.

Я вернулся к Жозефине и Мерседес. Весь вид их являл собой неутоленное любопытство.

— Ну, что она сказала? — спросила Мерседес.

— Сегодня ровно в шестнадцать ноль-ноль мы приступаем к операции «Тапир».

— Куда мы его отвезем?

— К Марии. Ее мать разрешила держать его в саду.

— Боже милостивый! Ни в коем случае! — сказала Мерседес трагическим тоном.

— А почему бы и нет? — спросил я.

— Там нельзя его оставлять, Джерри. Садик у них совсем крошечный. И, кроме того, госпожа Родригес очень любит свои цветы!

— Какое отношение это имеет к тапиру? Он будет на привязи. Все равно его надо куда-то девать, а это пока единственная возможность пристроить его.

— Хорошо, отвезем его туда, — сказала Мерседес с видом человека, который знает, что он прав, и не скрывает этого, — но не говорите

потом, что я вас не предупреждала.

— Хорошо, хорошо. А теперь поехали завтракать, потому что в два часа мне надо захватить Джеки и заказать билеты на обратный путь. После этого мы можем ехать за Клавдием.

— За каким это Клавдием? — удивленно спросила Мерседес.

— За тапиром. Я окрестил его так потому, что со своим римским носом он вылитый древнеримский император.

— Клавдий! — хихикнув, сказала Жозефина. — Ублюдок! Вот смешно!

*

Итак, в четыре часа пополудни мы втащили упиравшегося тапира в

машину и поехали к Марии, купив по дороге длинный собачий поводок и ошейник, который пришелся бы впору датскому догу. Мерседес была права — садик оказался крошечным. Размером он был футов пятьдесят на пятьдесят — этакая квадратная яма, окруженная с трех сторон черными стенами соседних домов, с четвертой стороны была верандочка с застекленной дверью, которая вела в апартаменты семейства Родригес. Из-за высоты окружающих зданий во двореке было сыро и довольно мрачно, но госпожа Родригес сотворила чудо, оживив его цветами и кустиками, которые неплохо прижились в этой темноватой дыре. Яростно награждая Клавдия пинками, мы протащили его через весь дом и

привязали в саду к нижней ступеньке лестницы. Учувя запахи сырой земли и цветов, он благодарно засопел своим римским носом и глубоко, удовлетворенно вздохнул. Я поставил рядом с ним миску с водой, положил грудку рубленых овощей и фруктов и ушел. Мария обещала позвонить мне в гостиницу утром и сказать, как освоился Клавдий. Верная своему слову, она так и сделала.

— Джерри? Доброе утро.

— Доброе утро. Как Клавдий?

— Я думаю, вам лучше приехать, — сказала она тоном человека, который старается подсластить пилюлю.

— Что случилось? Он заболел? — спросил я в тревоге.

— О нет. Не заболел, — сказала Мария замогильным голосом. — Но

вчера вечером он порвал свой поводок и, пока мы его искали, успел съесть половину маминых бегоний. Я заперла его в угольном подвале, а мама сидит наверху с головной болью. Мне кажется, вам лучше приехать и привезти новый поводок.

Проклиная животных вообще и тапиров в особенности, я вскочил в такси и помчался к Марии, остановившись по пути только раз, чтобы купить четырнадцать горшков самых лучших бегоний. Клавдий, припорошенный угольной пылью, задумчиво жевал листочек. Сделав ему внушение, я посадил его на новую, более прочную привязь, которую, казалось, не оборвать было даже динозавру, написал для госпожи Родригес записку с извинениями и

отбыл, взяв с Марии слово позвонить мне, как только что-нибудь случится. Она позвонила на следующее утро.

— Джерри? Доброе утро.

— Доброе утро. Все в порядке?

— Нет, — угрюмо сказала Мария, — все повторилось снова. У мамы совсем не осталось бегоний, а сад выглядит так, словно в нем поработал бульдозер. По-моему, вам надо купить цепь.

— Господи, — простонал я, — у меня от одной Адуаны голова кругом идет, а с этим проклятым тапиром вообще впору запить горькую. Хорошо, сейчас я приеду и привезу цепь.

И снова я прибыл к Родригесам с цветами и цепью, которая вполне подошла бы для якоря океанского

лайнера «Куин Мэри». Клавдий нашел, что цепь очень приятна на вкус, если ее громко сосать, но еще большее удовольствие она доставляла ему, когда он громко и мелодично звенел ею, мотая башкой вверх и вниз. Этот шум наводил на мысль, что в недрах садика Родригесов скрыта небольшая кузница. Я поспешно отбыл, пока госпожа Родригес не сошла вниз, чтобы выяснить причину этого шума.

Мария позвонила мне на следующее утро.

— Джерри? Доброе утро.

— Доброе утро, — сказал я, томимый острым предчувствием, что это утро будет каким угодно, но только не добрым.

— К сожалению, мама просила вас

забрать Клавдия, — сказала Мария.

— А теперь что он натворил? — спросил я, задыхаясь от ярости.

— Видите ли, — голос Марии слегка дрожал от сдерживаемого смеха, — мама вчера давала званый обед. И только все мы уселись за стол, как в саду раздался страшный шум. Уж не знаю как, но Клавдий умудрился отвязать цепь от перил. В общем, прежде чем мы успели что-нибудь сделать, он ворвался в дверь, волоча за собой цепь.

— Господи! — Я был ошеломлен.

— Да, да, — продолжала Мария, уже не пытаясь сдерживать душивший ее смех. — Это было очень смешно. Перепуганные гости вскочили, а Клавдий, как призрак, все бегал и бегал вокруг стола и гремел

цепью. Потом он испугался всего этого шума и наделал... вы понимаете... украшений на полу.

— Боже мой! — простонал я, хорошо зная способности Клавдия по части этих самых «украшений».

— В общем, вечер был безнадежно испорчен. Теперь мама говорит, что, к ее глубочайшему сожалению, вам придется забрать Клавдия. Она считает, что ему неуютно в саду и что он не очень симпатичное животное.

— Ваша мама, как я могу предположить, сидит наверху с мигренью?

— Кажется, сейчас это посерьезнее, чем мигрень, — озабоченно заметила Мария.

— Ладно, — сказал я со вздохом, — предоставьте это мне. Я что-нибудь

придумаю.

Однако это оказалось последним звеном в цепи неприятностей, потому что все вдруг разрешилось как нельзя лучше. Таможня наконец рассталась с моим снаряжением, и — что было еще важнее — я неожиданно нашел прибежище не только для Клавдия, но и для всех остальных животных: мы поместили их в небольшом доме, который сняли на окраине Буэнос-Айреса.

Так разрешив, по крайней мере на время, свои затруднения, мы достали карты и принялись разрабатывать маршрут на юг, на побережье Патагонии, у которого в ледяных водах резвятся котики и морские слоны.

Все шло как будто гладко. Мария

сумела получить отпуск на службе и готова была отправиться с нами в качестве переводчицы. Наш маршрут был разработан настолько детально, насколько могли его разработать люди, никогда не бывавшие в тех местах. Снаряжение было проверено, перепроверено и тщательно запаковано. После трех недель дурного настроения и скуки в Буэнос-Айресе к нам наконец пришло ощущение, что мы уже в пути. Но потом, на последнем военном совете (в маленьком кафе на углу), Мария высказала соображение, которое она, по-видимому, вынашивала уже довольно долго.

— Джерри, мне кажется, было бы неплохо взять с собой человека, знающего дороги, — сказала она,

поглощая толстенный ломоть хлеба с громадным говяжьим языком — сооружение, почему-то считающееся в Аргентине сэндвичем.

— С какой стати? — спросил я. — Разве у нас нет карт?

— Да, но вы никогда не ездили по этим патагонским дорогам, а, к вашему сведению, они весьма отличаются от всех дорог в мире.

— Как отличаются?

— В худшую сторону, — сказала Джеки. — Нам рассказывали о них самые ужасные вещи.

— Дорогая, тебе не хуже, чем мне, известно, что ужасы подобного рода — о дорогах, о комарах и о диких племенах — рассказывают всегда и всюду, в какой бы уголок света ты ни поехал, и обычно все это оказывается

чепухой.

— И тем не менее Мария, по-моему, внесла дельное предложение. Если мы найдем человека, которому с нами по пути на юг, то мы хоть будем знать, что нас ожидает на обратной дороге.

— Но таких нет, — раздраженно сказал я. — У Рафаэля занятия в колледже, Карлос на севере, Брайан учится...

— Есть Дики, — сказала Мария.

Я посмотрел на нее в упор.

— Кто этот Дики? — спросил я наконец.

— Мой друг, — сказала она беззаботно, — он очень хорошо водит машину, он знает Патагонию, и он очень приятный человек. Он привык совершать охотничьи вылазки, так что страдания ему нипочем.

— Под «страданиями» вы подразумеваете лишения, или вы намекаете на то, что наше общество будет оскорбительным для его деликатной натуры?

— Шутки в сторону, — сказала Джеки. — Мария, а этот парень поедет с нами?

— О да, — сказала она. — Он говорит, что поедет с великим удовольствием.

— Хорошо, — сказала Джеки, — когда встретимся?

— Видите ли, я сказала ему, чтобы он был здесь через десять минут. Мне показалось, что Джерри в любом случае захочет увидеть его.

Я молча смотрел на них во все глаза.

— Мне кажется, это очень хорошая мысль, а? — спросила Джеки.

— Вы спрашиваете меня? —
взмолился я. — А я думал, что вы уже
все порешили между собой.

— Я уверена, что Дики вам
понравится... — заговорила Мария, и
в этот момент на пороге появился
Дики.

С первого взгляда я решил, что
Дики мне совсем не нравится. Он не
произвел на меня впечатления
человека, который когда-нибудь
«страдал» и вообще был бы способен
страдать. Одет он был изысканно,
слишком изысканно. У него было
круглое пухлое лицо, глаза-бусинки,
довольно жиденькие рыжие усики
бабочкой украшали его верхнюю
губу, а темные волосы были
прилизаны так, что казалось, будто их
нарисовали.

— Познакомьтесь, Дики де Сола, — сказала Мария. Голос ее чуть-чуть дрожал.

Дики улыбнулся мне, и улыбка преобразила все его лицо.

— Мария уже говорила вам? — сказал он, привередливо отряхивая носовым платком стул, прежде чем сесть. — Я в восхищении поехать с вами, если вы будете довольны. Я в восхищении поехать в Патагонию, кого я люблю.

Я начал испытывать к нему теплое чувство.

— Если я не буду полезный, я не поеду, но я могу советовать, если вы разрешите, потому что я знаю дороги. Вы имеете карту? О, хорошо, теперь позвольте мне объясниться вам.

Мы вместе склонились над картой, и

через полчаса Дики покори́л меня совершенно. На меня повлияло не только его превосходное знание края, который нам предстояло проехать, но и его милая манера коверкать английскую речь, его обаяние и заразительный юмор.

— Ну, — сказал я, когда мы сложили и убрали карты, — если у вас действительно есть свободное время, то нам бы очень хотелось, чтобы вы поехали с нами.

— Подавляюще! — сказал Дики, протягивая руку.

И этим довольно загадочным возгласом сделка была скреплена.

¹ Пьяное дерево (*исп.*).

2 Автомобиль повышенной проходимости.

3 Скотина! (*исп.*)

Земля шорохов

Равнины Патагонии бескрайни и с трудом проходимы, а потому не исследованы; судя по их виду, они пребывают уже долгие годы в том состоянии, в каком находятся ныне, и не видно конца такому состоянию в будущем.

*Чарлз Дарвин. Путешествие натуралиста
вокруг света на корабле «Бигль»*

В дорогу на юг нас провожал жемчужно-серый рассвет, предвещавший погожий денек. Улицы были пусты и гулки, а омытые росой парки и скверы окаймляла пышная пена опавших цветов *paló bogacho* и джакаранд — груды глянцевитых голубых, желтых и розовых лепестков.

На окраине города, повернув за угол, мы увидели первые признаки жизни — это была стайка мусорщиков, которые чуть свет принялись за исполнение своих утренних балетных номеров. Зрелище было настолько необычно, что мы сбавили ход и некоторое время медленно ехали за ними. Посередине мостовой со скоростью пяти миль в час громыхала большая повозка. На ней по колено в мусоре стоял рабочий. Четверо других рабочих, как волки, бежали вприпрыжку рядом с повозкой, время от времени исчезая в темных подъездах и появляясь из них с полными мусорными ящиками на плечах. Поравнявшись с повозкой, они сильным движением подбрасывали ящики вверх. Рабочий

в повозке ловил их, вытряхивал и бросал обратно, проделывая все это одним плавным движением.

Расчет был великолепный — в то время как пустой ящик падал вниз, вверх уже взлетал полный. На полпути они встречались, и иногда в воздухе находилось одновременно четыре ящика. Все это проделывалось молча и с невероятной быстротой.

Вскоре мы покинули пределы города, который еще только начинал пробуждаться, и понеслись по равнине, золотой от восходящего солнца. Утренний воздух был прохладен, и Дики оделся потеплее. На нем было длинное твидовое пальто и белые перчатки, а его черные добрые глаза и аккуратные усики бабочкой выглядывали из-под

смешной войлочной шляпы, которую он надел, по его словам, для того, «чтобы держать уши нагретыми».

Софи и Мария скрючились в глубине «лендровера» на целой горе нашего снаряжения, которое по их же настоянию упаковали в ящики с острыми, как ножи, краями. Джеки и я сидели вместе с Дики на переднем сиденье, расстелив на коленях карту.

Названия некоторых поселений, лежавших на нашем пути, были просто великолепны: Часкомус, Долорес, Некочеа, Трес-Арройос — произносить их было одно удовольствие. Потом мы проехали две деревни, которые разделяло расстояние в несколько миль. Одна из них называлась Мертвый Христианин, а другая — Богатый

Индеец. Мария объяснила это странное явление тем, что когда-то индеец разбогател, убив христианина и украв его деньги. Как ни романтично было это объяснение, мне почему-то показалось, что оно далеко от истины.

Два дня мы мчались по типичной пампе — равнине, на которой по колено в золотистой траве бродит скот; изредка встречались рощицы эвкалиптов, белесые и шелушащиеся стволы которых были похожи на ноги прокаженного. Небольшие опрятные эстанции сверкали белизной в тени огромных деревьев омбу. Короткие и толстые стволы этих деревьев сплошь покрыты мясистыми наростами. Кое-где низенькие изгороди были совсем погребены под густыми зарослями

вьюнков, усеянных голубовато-серыми цветами величиной с блюдце, а почти на каждом столбе изгороди покоилось странное, похожее на футбольный мяч гнездо птицы-печника. Этот цветущий ландшафт выглядел настолько ухоженным, что еще чуть-чуть — и стало бы скучно.

К вечеру третьего дня мы сбились с пути. Съехав на обочину дороги, мы достали карту и начали спорить. Нам надо было попасть в город под названием Кармен-де-Патагонес, расположенный на северном берегу Рио-Негро. Я настаивал на ночевке именно в этом городе, потому что здесь провел некоторое время Дарвин, когда путешествовал на корабле «Бигль»: мне было интересно посмотреть, насколько изменился

город за последнюю сотню лет. Поэтому, несмотря на горячие возражения остальных членов экспедиции, которым непременно хотелось остановиться в первом же населенном пункте, мы поехали дальше. Как оказалось, нам ничего другого и не оставалось делать, потому что на пути к Кармен-де-Патагонесу мы не встретили ни единого жилья и ехали до тех пор, пока не увидели впереди маленькую гроздь слабых огоньков. Не прошло и десяти минут, как мы уже осторожно ехали по булыжным мостовым Кармен-де-Патагонеса, освещенным неверным светом уличных фонарей. Было два часа ночи. Все дома выглядели на одно лицо и были накрепко заперты. Трудно было

надеяться, что мы встретим хоть кого-нибудь, кто показал бы нам дорогу к гостинице, а разыскать ее сами мы не могли, потому что каждый дом казался нам точной копией другого и отличить гостиницу от других жилищ не было никакой возможности. Мы остановились на главной площади города и стали уныло и раздраженно спорить, как быть. Вдруг под одним из фонарей возник ангел-хранитель в образе высокого тощего полицейского. На нем был безукоризненно чистый мундир, блестящий пояс и начищенные сапоги. Он щеголевато отдал честь, поклонился женщинам и со старомодной галантностью направил нас в боковую улицу, где, по его словам, была гостиница. Мы

подъехали к большому мрачному дому с наглухо закрытыми ставнями и массивной входной дверью, которая могла бы сделать честь даже кафедральному собору. Отбарабанив зорю по ее избитой непогодами поверхности, мы стали терпеливо ждать. Прошло десять минут, но обитатели дома не подавали никаких признаков жизни, и тогда Дики в отчаянии бросился на приступ. Если бы эта атака удалась, то грохот разбудил бы и мертвого. Но только Дики лягнул дверь, как она загадочным образом распахнулась сама, и мы увидели длинный, слабо освещенный коридор с дверями по обеим сторонам и мраморную лестницу, ведущую наверх. Смертельно усталые, голодные как

волки, мы не были расположены уважать право частной собственности и промаршировали в гулкой холл, словно войско захватчиков. Здесь мы остановились и стали кричать «¡Hola!»⁴ до тех пор, пока весь отель не загудел от наших криков. Но ответа мы не дождались.

— Я думаю, Джерри, что иногда они все мертвые, — серьезно сказал Дики.

— Ну что ж, если они мертвые, то предлагаю рассредоточиться и самим найти себе постели, — сказал я.

Мы поднялись по мраморной лестнице и сами нашли три спальни с застланными кроватями, применив для этого очень простой прием — мы открывали все двери подряд. Найдя пристанище на ночь, мы с Дики спустились вниз посмотреть, может

ли эта гостиница похвалиться хоть какими-нибудь удобствами. Первая же дверь, которую мы распахнули, привела нас в темную комнату с огромной двуспальной кроватью под старинным балдахинном. Не успели мы выскочить обратно, как из-под одеяла, словно всплывающий кит, поднялась и вперевалку зашагала к нам громадная туша. Эта туша оказалась женщиной гигантских размеров, одетой в развевающуюся ночную фланелевую сорочку и весящей килограммов сто. Щурясь и натягивая на себя светло-зеленое кимоно, усеянное большущими розами, она вышла в коридор — впечатление было такое, словно одна из самых экзотичных цветочных выставок в Челси вдруг встала и

зажила собственной жизнью. На ее мощную грудь ниспадали две длинные пряди седых волос. Натянув кимоно, она закинула их за спину и сонно, но приветливо улыбнулась нам.

— Buenas noches⁵, — вежливо сказала она.

— Buenas noches, señora, — ответили мы, стараясь не уступать в хороших манерах никому даже в этот поздний час.

— ¿Hablo con la patrona?⁶ — спросил Дики.

— Sí, sí, señor, — ответила она, широко улыбаясь, — ¿que quieres?⁷

Дики извинился за поздний приезд, но la patrona только махнула рукой. Дики спросил, нельзя ли получить

бутерброды и кофе. Почему бы и нет? — ответила la patrona. Дики объяснил ей, что нам также срочно требуется в туалет. Не будет ли она так любезна показать нам, где он. La patrona восприняла это с большим юмором, провела нас в облицованную кафелем комнатенку и стояла рядом, дружески болтая, пока мы с Дики занимались своими делами. Потом, пыхтя и колыхаясь, она прошла на кухню и приготовила нам огромную гору бутербродов и кастрюльку кофе. Убедившись, что больше от нее ничего не требуется, она отправилась на покой.

На следующее утро, позавтракав, мы быстро осмотрели город. Насколько я мог заметить, со времен Дарвина, если не считать внедрения

электричества, он изменился очень мало. Поэтому мы сели в машину и покатали из города вниз по склону холма, а затем по широкому железному мосту, перекинутому над ржаво-красными водами Рио-Негро. Прогромыхав по мосту из провинции Буэнос-Айрес в провинцию Рио-Негро, то есть всего-навсего перебравшись на противоположный берег реки, мы оказались в совершенно другом мире.

Остались позади тучные зеленые просторы пампы. Справа и слева, насколько хватал глаз, тянулась пустынная, бесплодная равнина, покрытая ровной щетиной серо-зеленого кустарника. Каждый куст был фута в три высотой и вооружен устрашающим количеством шипов и

колючек. Казалось, в этом сухом кустарнике никто не живет, так как, остановив машину, мы не слышали ни пения птиц, ни жужжания насекомых. Только ветер шелестел ветвями колючего кустарника над этой одноцветной марсианской равниной. Единственным движущимся предметом, кроме нас самих, был огромный хвост пыли, поднятой автомобилем. Ужасно утомительно было ехать по этому краю. Прямая дорога, вся в глубоких рытвинах и колдобинах, разматывалась до самого горизонта. После нескольких часов монотонной езды мы уже ничего не соображали, нас кидало в сон, и мы просыпались от дикого скрипа — «лендровер» съезжал с дороги в ломкий кустарник.

Это случилось вечером перед самым Десеадо, на участке дороги, которую, к несчастью, так развезло после недавнего дождя, что она стала похожа на полосу густого клея. Дики, уже давно сидевший за рулем, стал клевать носом, и, прежде чем мы сообразили, в чем дело, «лендровер» с прицепом въехал в крутую грязь на обочине и, бешено буксуя, накрепко засел. Мы неохотно вылезли из машины на ледяной ветер и при тусклом свете заходящего солнца принялись отцеплять прицеп от «лендровера» и по отдельности вытаскивать их из грязи. Потом, когда руки и ноги озябли, мы все пятеро втиснулись в «лендровер» и стали смотреть на закат, передавая из рук в руки бутылку шотландского виски,

которую я припрятал специально для такого случая.

По обе стороны дороги раскинулась страна низких и колючих кустарников, темная и такая плоская, что у нас создавалось впечатление, будто мы находимся в центре гигантской тарелки. По мере того как солнце опускалось, небо окрашивалось в зеленоватый цвет, а потом вдруг оно стало очень бледным, серо-синеватым. Скопище лохматых облаков у горизонта на западе вдруг почернело, и только самые края их были пламенно-красными. Облака напоминали великую армаду испанских галионов, которые, затеяв на небе жестокий морской бой, плыли навстречу друг другу. Их черные силуэты четко

выделялись на фоне яркого пламени, вырывавшегося из жерл орудий. Солнце садилось ниже и ниже, облака из черных превратились в переливчато-серые, а небо позади них покрылось зелеными, синими и бледно-красными полосами. Вдруг наш флот галионов исчез, и на его месте образовался красивый архипелаг островов, которые растянулись вереницей по небу, похожему на безмятежное море, расцвеченное красками заката. Иллюзия была полной: в скалистой, иззубренной береговой линии можно было различить бухточки, очерченные белой пеной прибоя; виднелись длинные светлые пляжи; клубки облаков казались опасным нагромождением рифов у входа в

спокойную гавань; на островах горы причудливой формы были покрыты лохматой шкурой по-вечернему темных лесов. Так мы сидели, согретые виски, и с восторгом изучали географию этого развернувшегося перед нами архипелага. Каждый из нас выбрал себе по приглянувшемуся острову, на котором хотелось бы провести отпуск, и говорил о том, какие современные удобства он мечтает найти в отеле своего острова.

— Большую-большую ванну, и очень глубокую, — сказала Мария.

— Нет, приятный теплый душ и удобное кресло, — сказала Софи.

— Только постель, — ответила Джеки, — с пышным пуховиком.

— Бар, в котором к напиткам

подают настоящий лед, — мечтательно сказал я.

Дики немного подумал. Потом он взглянул на свои ботинки, густо облепленные быстро подсыхавшей грязью.

— Я должен иметь человека, который почистит мне ботинки, — твердо сказал он.

— Ну, я сомневаюсь, что такой найдется и в Десеадо, — уныло произнес я, — однако нажмем.

Когда на следующий день в десять часов утра мы прибыли в Десеадо, сразу стало ясно, что ни на какие роскошества вроде пуховиков, льда к напиткам или даже чистильщика сапог рассчитывать не приходится. Это был самый пустынный город на свете. Он напоминал декорации для

съемки довольно плохого голливудского ковбойского фильма и наводил на мысль, что его жители (две тысячи человек, согласно путеводителю) вдруг собрали пожитки и ушли, оставив свой город одиноко стоять на пронизывающем ветру и палящем солнце. По пустынным улицам, мимо безмолвных домов время от времени проносился ветер, поднимая вялые смерчи пыли, которые, покрутившись мгновение, устало оседали на землю. В той части города, которая показалась нам его центром, мы увидели только собаку, быстро бежавшую по своим делам, и ребенка, присевшего на корточки посреди мостовой и увлеченного какой-то загадочной детской игрой. Потом мы

повернули за угол и вздрогнули, увидев человека, который понуро тащился верхом на лошади с таким видом, будто лишь он один остался в живых после какой-то страшной катастрофы. Мы подъехали к нему. Он остановился, вежливо поздоровался, не проявив к нам, однако, никакого интереса, и показал, как проехать к двум единственным гостиницам города. Гостиницы оказались друг против друга, и сделать выбор по их внешнему виду было нельзя. Тогда мы метнули монету.

Хозяина гостиницы мы нашли в баре. С видом человека, только что понесшего тяжелую утрату, он неохотно признался, что у него есть свободные номера, и темными

коридорами провел нас в три небольшие грязноватые комнаты. Дики сдвинул свою войлочную шляпу на затылок, стал посреди комнаты и, стягивая белые перчатки, с чисто кошачьей привередливостью обследовал провисшую кровать и серое белье.

— Знаете что, Джерри? — убежденно сказал он. — Это самый вонючий отель из всех, о которых я когда-либо мечтал.

— Хорошо, что вы не мечтали о более вонючем, — сказал я.

Мы пошли в бар, чтобы выпить чего-нибудь и подождать прихода некоего капитана Гири, которого мне рекомендовали как самого большого знатока колоний пингвинов в окрестностях Пуэрто-Десеадо. Мы

сидели за столиком и с интересом наблюдали за посетителями бара. У большинства из них были длинные обвисшие усы, и они казались глубокими стариками. Их смуглые лица были словно иссечены, а потом сшиты ветром. Они сидели небольшими группами, склонившись над стаканчиками с коньяком и вином. У них был такой безразличный вид, словно они зимовали в этом грязном баре, с безнадежностью уставившись в доньшки своих стопок, ожидая, когда стихнет ветер, и зная, что он никогда не стихнет. Изящно покуривая сигарету, Дики обзревал закопченные стены, ряды пыльных бутылок и пол с двадцатилетним слоем хорошо утопанной грязи.

— Ну, как бар? — спросил он меня.

— Не очень весело.

— Он такой старый... у него такой старый вид, — сказал он, озираясь. — Знаете, Джерри, держу пари, что здесь даже мухи имеют бороды.

Дверь внезапно отворилась, и в бар ворвалась струя холодного воздуха. Старики обратили свои безжизненные, как у рептилий, взоры ко входу, и на пороге появился капитан Гири. Это был высокий, крепко сколоченный человек с русыми волосами, красивым, аскетическим лицом и таким живым и прямодушным выражением голубых глаз, какого мне не приходилось видеть ни у кого. Представившись, он сел за наш столик и оглядел нас так по-детски дружелюбно и весело, что

гнетущая атмосфера бара тотчас исчезла и мы вдруг почувствовали себя легко и свободно. Мы выпили с капитаном Гири, после чего он достал большой рулон карт, разложил их на столе, и мы склонились над ними.

— Пингвины, — задумчиво сказал капитан, водя указательным пальцем по карте. — Здесь вот лучшая колония... и самая большая. Но по моему, для вас это будет слишком далеко, как вы думаете?

— Да, далековато, — согласился я. — Нам бы не хотелось забираться так далеко на юг, если есть возможность найти что-нибудь поближе. Дело просто во времени. Я надеялся, что мы найдем приличную колонию в окрестностях Десеадо.

— Есть такая, есть такая, — сказал

капитан, тасуя карты, как фокусник. — Здесь вот, видите, в этом месте... Это примерно в четырех часах езды от Десеадо... все время вдоль берега залива.

— Это замечательно, — сказал я, воодушевляясь, — самое подходящее расстояние.

— Одно только меня беспокоит, — заметил капитан, обращая на меня озабоченный взор голубых глаз, — будет ли там достаточно птиц для того, что вы хотите... для фотографирования?

— Да, — произнес я с сомнением, — мне хотелось бы побольше. Сколько их там, в колонии?

— Думаю, примерно миллион, — сказал капитан Гири. — Достаточно этого?

Я смотрел на него, раскрыв рот. Но он не шутил. Он был всерьез озабочен, что миллиона пингвинов будет для меня слишком мало.

— Кажется, я смогу обойтись миллионом пингвинов, — сказал я. — Думаю, мне удастся найти одну или парочку фотогеничных птиц в этом миллионе. Скажите, а они живут все вместе?

— Ну, примерно половина или три четверти их сконцентрировались здесь. — Он ткнул пальцем в карту. — А остальные разбросаны по всему берегу залива, вот здесь.

— Превосходно, это, пожалуй, мне подойдет. Ну а как насчет того, чтобы где-нибудь устроить лагерь?

— О, — сказал капитан, — с этим трудно. Впрочем, как раз там

находится эстансия моего друга, сеньора Уичи. Сейчас он здесь, в Десеадо, и, если бы мы зашли к нему, он мог бы разрешить вам расположиться на своей эстансии. Она вот здесь, это примерно в двух километрах от основной колонии, так что вам было бы очень удобно.

— Это великолепно, — восторженно сказал я. — Когда мы можем увидеть сеньора Уичи?

Капитан посмотрел на свои часы и что-то прикинул в уме.

— Мы можем повидаться с ним сейчас же, если вам угодно, — ответил он.

— Отлично! — сказал я, допивая виски. — Пошли!

Дом Уичи находился на окраине Десеадо, а сам Уичи, которому

капитан Гири представил нас, понравился мне с первого взгляда. Это был приземистый человек с выдубленным ветром лицом. У него были очень черные волосы, густые черные брови и усы и темно-карие глаза, добрые, веселые, с морщинками в уголках. Во всех его движениях и манере говорить была такая спокойная уверенность, что от одного его присутствия вас оставляли всякие заботы. Пока Гири объяснял нашу миссию, Уичи стоял молча и время от времени поглядывал на меня, словно оценивая. Потом он задал нам несколько вопросов и наконец, к моему невыразимому облегчению, протянул мне руку и широко улыбнулся.

— Сеньор Уичи согласен принять

вас на своей эстансии, — сказал Гири, — и хочет сопровождать вас сам, чтобы показать лучшие пингвиньи места.

— Сеньор Уичи очень добр... мы приносим самую большую благодарность... — сказал я. — Можем ли мы выехать завтра в полдень, после того как я провожу своего друга на самолет?

— ¿Si, si, como no?⁸ — воскликнул Уичи, выслушав перевод. Мы условились встретиться с ним завтра, после того как посадим Дики на самолет, улетающий в Буэнос-Айрес.

В тот же вечер мы сидели в нашем унылом баре, потягивая виски и с грустью думая о том, что завтра Дики нас покинет. Это был обаятельный и веселый товарищ. Он безропотно

мирился с лишениями и всегда подбадривал нас шутками, фантастической грамматикой своих замечаний и ритмичными аргентинскими песенками. Мы знали, что будем скучать без него, и он тоже был расстроен тем, что покидает нас как раз тогда, когда путешествие становится интересным.

Хозяин гостиницы вдруг дерзнул насладиться радостями жизни и включил небольшой приемник, дальновидно помещенный на полке между двумя бутылками бренди. Радио затрубило протяжное и тоскливое танго самого неблагозвучного сорта. Мы молча слушали, пока не замер последний отчаянный вопль.

— Переведите эту веселенькую

вещичку, — попросил я Марию.

— Это о человеке, который обнаружил, что его жена больна туберкулезом, — объяснила она. — Он потерял работу, и дети его голодают. Жена при смерти. У него очень плохое настроение, и он спрашивает, в чем смысл жизни.

Радио снова принялось вопить что-то очень похожее на предыдущую песню. Когда оно замолчало, я взглянул на Марию и вопрошающе поднял брови.

— Это о человеке, который только что обнаружил, что жена ему неверна, — уныло перевела она. — Он зарезал ее. Теперь его должны повесить, и дети его останутся сиротами. У него очень плохое настроение, и он спрашивает, в чем смысл жизни.

Воздух раздирала третья песенка. Я взглянул на Марию. Она прислушалась и пожала плечами.

— То же самое, — лаконично сказала она.

Мы все разом поднялись и отправились спать.

Рано утром мы с Марией повезли Дики на аэродром, а Софи и Джеки отправились в турне по трем лавкам Десеадо, чтобы купить припасы, необходимые для нашей поездки на эстансию Уичи. Аэродром представлял собой более или менее ровную полосу земли на окраине Десеадо. На ней возвышался ангар, выглядевший так, словно его побила моль, двери его хлопали и скрипели на ветру. Единственными живыми существами здесь были три пони,

которые меланхолично пощипывали травку. Прошло двадцать минут после того, как должен был прибыть самолет, но его все не было, и мы стали уже думать, что Дики придется остаться с нами. Потом по пыльной дороге из города прибыл, громыхая, маленький грузовичок. У ангара он остановился, и из него вылезли два человека весьма чиновничьего вида в длинных пальто цвета хаки. Они сосредоточенно и долго рассматривали флюгер, потом поглядели на небо и, хмуря физиономии, стали совещаться. Посовещавшись, они посмотрели на часы и стали прохаживаться.

— Это, должно быть, механики, — сказал Дики.

— У них действительно очень

официальный вид, — согласился я.

— Слушайте! — сказал Дики, когда до нас донеслось слабое гудение. — Летит.

На горизонте появилось пятнышко, которое быстро увеличивалось в размерах. Теперь два человека в хаки приступили наконец к своим обязанностям. С пронзительными криками они выбежали на взлетную полосу и стали гнать с нее трех пони, которые до сих пор мирно паслись в центре того, чему теперь предстояло стать посадочной площадкой. Во время приземления самолета был волнующий момент, когда один пони чуть не прорвался обратно, но человек в хаки бросился ему наперерез и в последнюю секунду схватил пони за гриву. Самолет

слегка подпрыгнул и, вздрогнув, остановился, а два человека в хаки, оставив пони, извлекли из недр ангара жидковатую лесенку на колесах и приставили ее к самолету. Очевидно, Дики был единственным пассажиром, который собирался сесть в Десеадо.

Дики сжал мою руку.

— Джерри, — сказал он, — вы мне сделаете одно одолжение, да?

— Конечно, Дики, — ответил я. — Все, что угодно.

— Посмотрите, чтобы никаких лошадиных ублюдков не было на пути, когда мы полетим вверх, а? — попросил он очень серьезно и зашагал к самолету. Поля его войлочной шляпы хлопали на ветру.

Самолет с ревом взлетел, пони поплелись на взлетную полосу, а мы

направили тупое рыло «лендровера» на город.

Часов в двенадцать мы заехали за Уичи, и он сам сел за руль «лендровера». Я искренне радовался этому, потому что, не проехав и двух миль от Десеадо, мы свернули с дороги на едва заметную колею, которой мы оказали бы великую честь, назвав проселком. Временами она совсем исчезала, и, если бы мне пришлось самому вести машину, я бы совершенно растерялся. Но Уичи направлял «лендровер» на, казалось, совершенно неприступную стену колючих кустов, которые, царапая борта машины, визжали, как духи, предвещающие смерть. Прорвавшись сквозь кустарник, мы снова попадали на колею. Кое-где дорога сворачивала

в выемку трехфутовой глубины, которая оказывалась ложем пересохшего ручья, почти равным по ширине расстоянию между колесами машины. Мы осторожно ехали двумя колесами по одному берегу, а двумя — по другому. Малейший просчет — и машина свалилась бы вниз и безнадежно застряла.

По мере того как мы приближались к морю, пейзаж постепенно менялся. Из плоской местность становилась слегка волнистой, кое-где ветер, содрав верхний слой почвы, обнажил желтую и ржаво-красную гальку, большие пятна которой напоминали болячки на меховой шкуре земли. Эти пустынные участки, по-видимому, были излюбленным местом пребывания любопытных животных

— патагонских зайцев, потому что именно на сверкающей гальке мы всегда находили их парочками, а то и небольшими группами — по три, по четыре. Это были странные существа, которые выглядели так, словно их слепили весьма небрежно. У них были тупые морды, очень похожие на заячьи, маленькие, аккуратные кроличьи ушки и маленькие тонкие передние лапки. Но задние ноги их были большими и мускулистыми. Больше всего привлекали их глаза — большие, черные, блестящие, с густой бахромой ресниц. Похожие на миниатюрные копии львов с Трафальгар-сквер, зайцы лежали на гальке, греясь на солнце и посматривая на нас с аристократическим высокомерием.

Они подпускали довольно близко, потом томно смежали длинные ресницы и с потрясающей быстротой оказывались в сидячем положении. Они поворачивали головы и, взглянув на нас, уносились к струящемуся мареву горизонта гигантскими пружинистыми прыжками. Черно-белые пятна на их задах казались удаляющимися мишенями.

Вскоре, ближе к вечеру, косые лучи солнца окрасили пейзаж в иные цвета. Низкая поросль колючих кустарников стала фиолетовой, алой и красновато-коричневой, а участки обнаженной гальки расцвели алым, ржаво-красным, белым и желтым. С хрустом прокладывая путь по этой многоцветной местности, мы заметили в самом центре участка

обнаженной гальки черный шар, который при ближайшем рассмотрении оказался большой черепахой, карабкавшейся по горячим камням с мрачным упорством глетчера. Мы остановились и подняли ее, но пресмыкающееся, напуганное неожиданной встречей, обильно помочилось. Непонятно, где она нашла на этой иссушенной земле столько влаги, чтобы создать такое мощное оборонительное ограждение. Окрестив черепаху Этельбертой, мы положили ее в кузов «лендровера» и поехали дальше.

На закате, перевалив через последний из пологих холмов, мы очутились на площадке, похожей на дно древнего озера. Окруженная кольцом невысоких холмов, она

казалась своеобразной чашей, в которую ветер сносил из-за холмов песок, укладывая его толстым слоем, убившим всякую растительность. Когда машина, ревя и оставляя за собой хвост пыли, неслась по этому ровному месту, вдалеке мы увидели рощицу зеленых деревьев, первых деревьев с тех пор, как мы выехали из Десеадо. Подъехав поближе, мы рассмотрели маленький, окруженный аккуратной белой изгородью оазис, а в центре его, под сенью деревьев, красивый деревянный дом, весело раскрашенный ярко-синей краской.

Нас вышли встречать два педана⁹, одетые в bombachas¹⁰ и драные рубахи. У них были длинные черные волосы, черные блестящие глаза и в общем диковатый вид. Они помогли

нам разгрузить машину и внести наши вещи в дом, а затем, пока мы распаковывались и мылись, они вместе с Уичи закололи овцу и стали в честь нашего прибытия готовить асадо. Чтобы жарить асадо, нужен очень сильный огонь, но порывистые ветры, которые постоянно дуют в Патагонии, заставляют быть осторожным — они могут сдуть и унести весь костер, и тогда сухой кустарник запылает на много миль вокруг. Во избежание этого у подножия холма, на вершине которого стоял дом, Уичи посадил большой квадрат кипарисов. Деревьям дали подрасти футов до двенадцати, а потом срезали им верхушки, чтобы они стали гуще. С самого начала кипарисы были

посажены так тесно, что теперь их сучья переплелись и образовали почти непроницаемые заросли, в которых Уичи прорубил узкий проход, а внутри квадратной рощицы он расчистил полянку футов двадцать на двенадцать. Здесь и жарили асадо; разводить костер под защитой толстых кипарисовых стен было безопасно.

Пока мы мылись и переодевались, стало темно. Мы спустились к полянке среди кипарисов, где уже пылал огромный костер. Возле него в землю был вбит большой кол, на который насадили целую овцу, вскрытую подобно устрице. Мы лежали на земле вокруг костра и пили красное вино, ожидая жаркого.

В Аргентине я много раз бывал на

асадо, но тот, первый раз на эстанции Уичи навсегда останется в моей памяти. Восхитительный запах горящих веток, смешанный с запахом жареного мяса, розовые и оранжевые языки пламени, красные блики на кипарисовых стенах, шум ветра, который неистово ломится в наше убежище и с тихим вздохом, обессилев, замирает в путанице ветвей, и ночное небо с трепещущими звездами и хрупким осколком луны... Кажется, никогда еще я не испытывал большего удовольствия, чем тогда, когда я, сделав большой глоток приятного теплого красного вина, наклонялся, отрезал благоухающий кусок мяса от шипящей коричневатой бараньей тушки, окунал его в острый соус из уксуса, чеснока и красного

перца и отправлял этот сочный кусок в рот.

Когда мы насытились, Уичи, сделав добрый глоток вина, отер рот тыльной стороной руки и посмотрел на меня поверх красных мерцающих угольков, которые лежали на земле закатным солнцем.

— Mañana¹¹, — сказал он, улыбаясь, — мы пойдем к pinguinos¹².

— Si, si, — сонно ответил я и еще раз, уже просто от жадности, потянулся вперед, чтобы отрезать себе еще кусочек хрусткой корочки от остывающих остатков овцы, — mañana pinguinos.

4 Эй! (*исп.*)

5 Доброй ночи! (*исп.*)

6 Я разговариваю с хозяйкой? (*исп.*)

7 Да, что вам угодно? (*исп.*)

8 Да, да, почему бы и нет? (*исп.*)

9 Пеон — крестьянин-батрак в странах Южной Америки.

10 Bombachas — шаровары (*арг.*).

11 Завтра (*исп.*).

12 Пингвины (*исп.*).

Море старых официантов

То была отважная птица; отходя к морю, она то и дело бросалась на меня и даже заставляла отступить.

*Чарлз Дарвин. Путешествие натуралиста
вокруг света на корабле «Бигль»*

Было еще темно, когда меня разбудил Уичи, ходивший по кухне. Он тихо насвистывал и гремел кофейником и чашками, стараясь вежливо прервать наш сон. Первым делом я зарылся поглубже под кучу мягких, теплых, светло-коричневых шкур гуанако, наваленных на непомерную двуспальную кровать, на которой мы с Джеки так уютно

устроились. Однако, поразмыслив, я решил, что если Уичи встал, то пора вставать и мне — хотя бы для того, чтобы вытащить из постелей остальных. Итак, горестно вздохнув, я отбросил шкуры и шустро соскочил с кровати. Редко мне случалось так сожалеть о своих поступках, это было все равно что выскочить из жаркой котельной и тут же броситься в студеную горную речку. Стуча зубами, я натянул на себя все, что попало под руку, и заковылял на кухню. Уичи улыбнулся и кивнул мне, а потом с сочувственным видом, налив на два пальца коньяку в большую чашку, долил ее горячим кофе и подал мне. Вскоре, раскалившись докрасна, я стянул с себя один из трех пуловеров и стал

злорадно вытряхивать из постелей остальную компанию.

Наконец, напившись кофе с коньяком, при неярком желтоватом свете восходящего солнца, мы отправились туда, где живут пингвины. Перед самым носом нашего «лендровера» шныряли глупые овцы. У берега длинного мелкого пруда с дождевой водой, образовавшегося в низине между пологими холмами, мы увидели шесть фламинго, розовых, как бутоны цикламена. Они добывали себе дневное пропитание. Примерно четверть часа мы ехали по дороге, а потом Уичи повернул прямо на целину и направил машину вверх по пологому склону холма. У вершины его Уичи обернулся ко мне с

улыбкой.

— Ahora, — сказал он, — ahora los pinguinos¹³.

Мы въехали на вершину и увидели колонию пингвинов.

Впереди кончался низкий коричневый кустарник и начинались раскаленные пески. Они были отделены от моря серпообразным хребтом белых песчаных дюн сотни в две футов высотой. Именно здесь, в этом пустынном месте, защищенном от морских ветров полукружием дюн, пингвины и основали свой город. Всюду, насколько хватал глаз, земля была щербата от ямок-гнезд, иные из которых представляли собой просто разрытый песок, другие имели несколько футов глубины. Эти маленькие кратеры делали местность

похожей на участок поверхности Луны, рассматриваемый в мощный телескоп. Между кратерами сновали вперевалку пингвины. Такого огромного сборища я еще не видел никогда, оно было похоже на целое море карликов-официантов, важно вышагивающих от столика к столику, шаркая ногами и устало опустив плечи, которые болят, оттого что им всю жизнь приходилось таскать перегруженные подносы. Число их было чудовищно, даже на горизонте, в зыбком мареве, мелькали их черно-белые тельца. Это было захватывающее зрелище. Мы медленно продирались сквозь кустарник, пока не достигли края этих гигантских сот из гнездовых нор. Остановившись, вышли из

«лендровера».

Мы стояли и наблюдали за пингвинами, а они тоже стояли и наблюдали за нами с огромным уважением и интересом. Большинство птиц были, конечно, взрослыми, но в каждой ямке сидело по одному или по два птенца, одетых еще в младенческие пуховые шубки. Они поглядывали на нас большими черными трогательными глазами и были похожи на пухленьких и робких дебютанток, укутанных в слишком большие для них шубки из чернобурых лисиц. У взрослых птиц, гладких и опрятных в своих черно-белых костюмах, были красные сережки у оснований клювов и блестящие хищные глаза уличных торговцев. Если к ним приближаться,

то они пятятся к своим ямкам и угрожающе поводят головой из стороны в сторону, опуская ее все ниже и ниже, так что в конце концов они, вероятно, видят вас уже вверх ногами. Если подойти слишком близко, они спускаются в свои норы и постепенно скрываются в них, живо поводя головами. Малыши, наоборот, подпускают человека фута на четыре, но потом их нервы не выдерживают, они бегут и ныряют в ямки, откуда виднеются только их пушистые задки и взбрыкивающие лапки.

Сначала гомон и суeta огромной колонии сбивают с толку. Непрерывно шуршит ветер, неумолчно пищат малыши и раздается громкий протяжный крик взрослых птиц, похожий на ослиный

рев. Вытянувшись во весь рост, пингвины широко расставляют крылья, задирают клювы к голубому небу и ревут — радостно, возбужденно. Поначалу совершенно непонятно, куда смотреть, — непрерывное движение взрослых и птенцов кажется беспорядочным и бесцельным, но потом, после нескольких часов пребывания среди этого огромного сборища птиц, уже можно кое в чем разобраться. Прежде всего становится очевидным, что сутолоку создают главным образом взрослые птицы. Многие из них стоят у своих ямок-гнезд, неся, по-видимому, караульную службу при молодом поколении; большая же часть птиц снует взад и вперед — одни идут к морю, другие обратно.

Далекие песчаные дюны буквально кишат маленькими фигурками, которые либо карабкаются вверх по крутым склонам, либо спускаются вниз.

Постоянные переходы к морю и обратно занимают у пингвинов большую часть дня, и этот потрясающий подвиг заслуживает подробного описания. День за днем, в течение трех недель, мы жили среди птиц, внимательно наблюдая за ними, и вот что мы увидели.

Рано утром один из родителей (или самец, или самка) отправляется к морю, оставив свою половину при гнезде. Для того чтобы добраться до моря, птице надо преодолеть мили полторы изнурительного пути по самой труднопроходимой местности,

какую только можно себе представить. Сначала пингвинам приходится лавировать в мозаике ямок, а когда они доходят до края колонии, начинается песок, покрытый засохшей и растрескавшейся коркой, которая похожа на гигантскую картинку-загадку. Песок в этих местах даже ранним утром нагревается до того, что рука не терпит, и все же, исполненные чувства долга, пингины бредут по нему, часто останавливаясь передохнуть и застывая, как в трансе. Это обычно занимает у них около получаса. Но, дойдя до противоположного края маленькой пустыни, они встречают новое препятствие — песчаные дюны, которые возвышаются над

миниатюрными фигурками птиц, как снежные вершины Гималаев. Дюны достигают в высоту футов двести, у них крутые склоны, и образованы они из сплошного мелкого сыпучего песка. Даже нам было трудно преодолевать эти дюны, а коротконогим пингвинам и подавно.

Добравшись до подножия дюн, птицы обычно отдыхают минут десять. Некоторые просто стоят, погружившись в размышления, другие бросаются на живот, чтобы отдышаться. Отдохнув, они упрямо поднимаются на ноги и начинают подъем. Собравшись с силами, они взбегают вверх по склону, пытаясь, очевидно, преодолеть самую скверную часть пути как можно быстрее. Но примерно на четверти

крутизны они выдыхаются, их движения становятся все медленнее и медленнее, и они все чаще и чаще останавливаются отдыхать. А склон уходит вверх все круче и круче, и в конце концов им приходится ложиться на брюшко и карабкаться вверх, помогая себе крыльями. Наконец они отчаянным броском преодолевают последние футы, торжествуяще выскакивают на гребень дюны и здесь, постояв и радостно похлопав крыльями, снова бросаются ниц, чтобы десяток минут передохнуть. Половина пути пройдена, и, лежа на остром, как нож, гребне дюны, птицы уже видят море, которое в полумиле от них мерцает прохладно и маняще. Но чтобы попасть в море, им надо еще

спуститься по противоположному склону, пройти четверть мили сквозь заросли кустарника и пересечь несколько сот ярдов галечного пляжа.

Конечно, спуститься с дюн для них легче, чем подняться, и они проделывают это двумя способами, наблюдать которые одинаково забавно. Они либо шагают вниз по склону, начиная степенно, все более и более убыстряя шаг, по мере того как склон становится круче, и пускаясь наконец самым несолидным образом в галоп, либо съезжают вниз на брюхе, помогая себе ногами и крыльями, словно под ними не песок, а вода. Тем или иным способом достигнув подножия дюны, они поднимаются на ноги, отряхиваются и начинают угрюмо продираться сквозь

кусты к пляжу. Но как раз на этих последних сотнях ярдов пляжа они страдают больше всего. Уже близко море, голубое, сверкающее, соблазнительно плещущееся о берег, а им, чтобы добраться до него, приходится волочить свои измученные тела по каменистому пляжу, где каждый камешек качается под ногами, где так трудно сохранить равновесие. Но наконец все кончается, и они бегут последние несколько футов к кромке прибоя, странно припадая к земле, потом вдруг выпрямляются и бросаются в холодную воду. Минут десять они кувыркаются и ныряют в сверкающей на солнце воде, смывая пыль и песок с головы и крыльев, восторженно болтая натруженными ногами,

крутятся и подпрыгивая, то исчезая под водой, то пробкой вылетая наверх. Освежившись вволю, они неизменно принимаются ловить рыбу. Их не страшит трудное путешествие обратно, которое им предстоит совершить, чтобы доставить пищу своим голодным птенцам.

Нагрузившись рыбой, они бредут той же дорогой, по горячему песку, а потом начинают хлопотное дело — кормежку своих прожорливых малышей, которая напоминает нечто среднее между боксом и всеобщей свалкой и представляет собой зрелище захватывающее и удивительное.

Одна из пингвиных семей жила в ямке неподалеку от того места, где мы каждый день оставляли